

Виктор Суворов
Самоубийство
Серия «Ледокол», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129738
Самоубийство / Виктор Суворов: Добрая книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-98124-577-0*

Аннотация

Война между СССР и Германией была войной двух систем управления государством и вооруженными силами, двух систем военного планирования, двух лидеров и их управленческих команд; судьбы мира решались в тишине кабинетов, где лидеры двух государств и их ближайшее окружение разрабатывали стратегию своих действий.

Анализируя созданные Сталиным и Гитлером системы управления государством и вооруженными силами, особенности характера лидеров СССР и Германии и их управленческие навыки, выдающийся писатель, историк и военный аналитик Виктор Суворов убедительно показывает, что в войне против Советского Союза Германия с самого начала была обречена на поражение, что Гитлер, в отличие от Сталина, не был готов к войне, а нападение на СССР было не просто необдуманным шагом, а последним жестом отчаяния, началом конца.

«Самоубийство» – новая сенсационная версия нашей истории, разрушающая привычные представления и мифы о движущих силах и причинах ключевых событий первой половины XX века. В новое, дополненное и переработанное издание книги вошли 6 новых глав.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктор Суворов

Самоубийство

© Виктор Суворов, 1996, 2011.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2012 – издание на русском языке, оформление.

* * *

Часть первая

Как в Советском Союзе сочиняли историю Великой Отечественной войны

Глава 1. Секретная история

Засекреченные мемуары генерала Сандалова. – У великой победы – мерзкое и грязное прошлое, иначе зачем кормить караульных собак, чтобы его скрыть? – Почему историю нашей Родины сделали государственной тайной.

Глава 2. Странная секретность

Перемены в стране не коснулись архивов Второй мировой войны. – Чудеса спецпропаганды: как гражданина иностранного государства допустили к секретным российским архивам. – Доступ к архивам не означает стремление говорить правду.

Глава 3. Занимательная арифметика советских историков

Секретную версию истории можно «вычислить», изучив ее несекретный вариант. – Как писали официальную историю Великой Отечественной войны. – Зашифрованная историческая правда: проценты вместо чисел, шарлатанство и пропаганда вместо науки.

Глава 4. История, которую никак не могут написать

Вторая попытка создания официальной истории Великой Отечественной войны: национальный позор. – Третья попытка создания официальной истории Великой Отечественной войны: финансовая пирамида. – У правды двух версий не бывает.

Глава 5. Кто писал нашу историю?

«Воспоминания и размышления» Жукова как основа советской мемуарной литературы о Великой Отечественной войне. – Арифметика маршала Жукова: немецкое превосходство «в 5–6 и более раз» и прочие глупости и курьезы.

Глава 6. Секрет... миллионным тиражом

История нашей страны написана так, словно ее авторы – гитлеровцы. – Торжество гласности: статистический сборник о составе Вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны издан тиражом 25 экземпляров, а секретный доклад Хрущёва – тиражом 1 миллион экземпляров.

Часть вторая

Почему Германия не была готова к войне с Советским Союзом

Глава 7. Красноармеец Гитлер

«Майн Кампф»: никто не читал, но все цитируют. – Что на самом деле имел в виду Гитлер, когда писал о землях на Востоке. – Читал ли Сталин «Майн Кампф»? – «Без Сталина не было бы Гитлера». – Гитлер или Шикльгрубер?

Глава 8. Почему товарищ Сталин не удавил гитлеризм в политическом младенчестве

Как Сталин прорубил Гитлеру дорогу к власти. — Главным внешним врагом Германии Гитлер считал Францию, а не СССР. — Земли на Востоке — не ближайшая задача Германии, а перспектива на грядущие века. — Появление «Майн Кампф» свидетельствовало о том, что нашелся лидер, который будет воевать против всего мира.

Глава 9. О собаках в безвоздушном пространстве

Сравнительная оценка личностей Сталина и Гитлера. — Темперамент, коммуникативные навыки, управление эмоциями, самооценка и другие особенности характера двух лидеров. — «Гениальные» мысли Гитлера.

Глава 10. Пункт первый: фюрер всегда прав

Сравнительная оценка управленческих навыков и практики организационной работы Сталина и Гитлера. — Принятие решений. — Проведение совещаний. — Организация исполнения приказов и решений, механизмы контроля над их исполнением.

Глава 11. Кто в доме хозяин

Власть Сталина и власть Гитлера. — Мартин Борман и борьба за власть в окружении Гитлера. — Сравнение конечных результатов работы двух лидеров как лучший критерий оценки их управленческой квалификации. — Как Сталин и Гитлер оценивали друг друга. — С таким фюрером Германия победить не могла.

Глава 12. О бетонных паровозах

Ближайшее окружение Сталина и Гитлера: соратники и подхалимы. — Правые руки вождей: Молотов и Геринг. — Как Геринг командовал авиацией и руководил экономикой Германии.

Глава 13. О почтальонах с министерскими окладами

Главные военные стратеги вождей: Жуков и Кейтель. — Руководство гитлеровской Германией: железная дисциплина на гранитном фундаменте безответственности. — Шпеер как исключение, подтверждающее правило. — Гитлеровские фельдмаршалы негодились даже в сержанты Советской Армии. — Сталин: кадры решают все. — Сталинская система отбора и расстановки кадров: выживают те, кто выполняет невыполнимые задачи. — Гиммлер, Геббельс, Риббентроп: какой хозяин, такие и работники.

Глава 14. О запредельной немецкой аккуратности

Крах германской агентурной сети в Америке. — Кайзер Вильгельм запрещает пленному штабс-капитану завести удава: условия содержания русских военнопленных в Германии во время Первой мировой войны. — Чудо-пушки германских артиллерийских конструкторов. — Дома терпимости в германской армии: образец дисциплины, организованности и педантизма. — «Национальные проекты» германских военных: орудие «Дора», гигантские танки «Мышь» и «Крыса».

Глава 15. О практике управления войсками

«Ближний круг» вождей: аппарат Сталина и аппарат Гитлера. — Система управления вооруженными силами и государством у Гитлера: нельзя приказывать, можно только договориться. — Система управления у Сталина: просто и эффективно. — Авиаполевые и парашютно-танковые дивизии Геринга. — Практика управления войсками в СССР и в Германии.

Глава 16. Уроки географии для германской разведки

Как Гитлер планировал блицкриг. – Почему операция «Барбаросса» была заведомо невыполнимой. – Германская разведка: смертельно больная организация, строившая свою работу на мифах и сплетнях. – «Прогулка в Берлин» Якова Джугашвили. – «Одна однокорейка на всю Россию». – Снова о шокирующей недееспособности германской разведки.

Глава 17. Как немцы русских своими танками удивляли

Коварная, но бестолковая операция германской разведки. – Советские танки предвоенного времени от Т-28 и Т-35 до Т-34 и КВ. – Германская разведка не имела никакого представления о советских танках и не знала даже того, что Советский Союз никогда не скрывал.

Глава 18. Что они знали о Красной Армии

Знание или незнание противника как важнейший показатель готовности к войне. – Об «устаревшей» материальной части советской артиллерии. – Конные упряжки против артиллерийских тягачей. – Что знала германская разведка о советской авиации и воздушно-десантных войсках.

Глава 19. Почему Сталин не верил своей разведке

Три разведки Сталина. – Почему Сталину всегда удавалось заглядывать в карты Гитлера. – Агенты Сталина в ближайшем окружении Гитлера. – Зачем Гитлеру нападать на Советский Союз?

Глава 20. Четыре фронта Гитлера

Война Германии с Британией – на суше, на море и в воздухе. – Бессмысленная война Германии с Югославией. – Сопротивление немецкой оккупации в странах Европы. – Война без объявления войны с США.

Глава 21. Кого бы нам повесить?

«Блистательные» немецкие полководцы Манштейн, Гудериан, Роммель. – Кто же руководил войной по глобусу – Сталин или Гитлер? – Избирательное правосудие на Нюрнбергском процессе: почему одних повесили, а других помиловали. – Где критерий выбора? – Кейтель и Йодль. – «Свидетель» преступлений фашизма фельдмаршал Паулюс. – Почему повесили Риббентропа, но не повесили Молотова.

Глава 22. Зачем Сталину Бессарабия?

Особенности группировки советских и германских войск на советско-германской границе летом 1941 года. – Какую операцию готовило советское командование перед германским вторжением? – Стратегические цели и последствия расстановки сил сторон. – Почему расширение Львовского выступа за счет Северной Буковины и Бессарабии так напугало Гитлера. – Катастрофа 22 июня 1941 года: крушение Южного, Юго-Западного и Западного советских фронтов.

Глава 23. Нюрнбергский выбор

Почему материалы о Нюрнбергском процессе скрывались от советского народа. – Без объявления войны? – Так за что же повесили Риббентропа? – Германские полководцы на Нюрнбергском процессе.

Глава 24. Телега как основное орудие блицкрига

Блицкриг как следствие неготовности Германии к затяжной войне. – Как Германия ввязалась в танковую войну без танков. – Шесть германских танковых дивизий превратились в двадцать одну, но танков больше не стало. – Лошадь и телега как основные инструменты немецкого блицкрига. – Беда Сталина: нельзя предсказать действия противника, если противник – дурак.

Глава 25. О боевом опыте

Боевой опыт германской армии и Красной Армии. – Вторжение в Польшу стало полным провалом Гитлера и его генералов. – Введя Красную Армию в Польшу, товарищ Сталин спас Гитлера. – Какой опыт приобрела германская армия в Дании, Норвегии и Франции. – Боевой опыт Красной Армии: Халхин-Гол и Финляндия. – Идиотизм плана «Барбаросса».

Глава 26. Если бы не зима!

Исход войны как главный критерий готовности или неготовности страны к войне. – В поражении немцев виноваты огромные просторы Советского Союза, его неисчерпаемые людские ресурсы, бездорожье и ужасный климат. – Неужели немцы об этом не знали? – Войну с СССР проиграл немецкий школьный учитель. – Уроки боевых действий во Франции. – В какой момент захлебнулся блицкриг в России. – Безумные идеи и решения Гитлера.

Глава 27. В какой момент Гитлер проиграл войну?

Германия смогла противостоять Советскому Союзу только пять с половиной месяцев. – Почему выбор направления главного удара (на Москву или на Киев) ничего не решал. – Моторесурс германских танков в августе 1941 года и его влияние на планирование операций германских войск. – Не садись с дьяволом кашу есть, все равно у него ложка длиннее.

Глава 28. Кстати о баранах...

Вывод советской разведки о неготовности Германии к войне был верным. – Как советская разведка проверяла вывод о неготовности Германии к войне. – Еще раз о стратегическом значении бараньих тулупов и о планах захвата СССР за три месяца. – В планах Гитлера не хватало одного – реализма. – Нападение Гитлера на СССР было самоубийством.

Книгу с таким названием друзьям не посвящать. Потому – врагам.

Глава 1

Секретная история

Настоящие архивы Сталина и Берии, несомненно, представляли собой скопище столь тайных и убойных материалов, что их вряд ли рассекретят полностью (если только они еще целы).

Александр Бушков. Россия, которой не было¹

1

Эта книга лавиной обрушилась на все мое существо, она давила, терзала, рвала в куски душу и тело. Увидеть ее – все равно что обернуться вдруг на переезде и ощутить всем существом слепящий прожекторами, летящий из мрака экспресс в тот самый момент, когда не остается времени даже на прощальный вопль.

А самое интересное заключается в том, что книгу эту даже не надо было читать. Она оглушала и плющила одним только названием, только титульным листом. Взглянул – и умри. Взглянул – и лопни от изумления.

О существовании этой книги я впервые узнал в секретной библиотеке Киевского высшего общевойскового командного Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе. В этом пышном названии так много слов, и в то же время – ничего не сказано. Кто не посвящен, тот никогда не догадается, кого готовили в тех стенах. Тем более что Московское высшее общевойсковое командное училище – это одна песня, Ленинградское – другая, а Киевское – третья. Тут лучше параллелей не проводить. Так вот, привели меня, зеленого курсантика, к присяге, дали допуск, и вот я – за броневой дверью секретной библиотеки. В самый первый раз. А для меня посещение секретной библиотеки – вроде неофициального визита в чужой гарем: уж очень любопытно.

В той библиотеке – тишина и покой. И образцовый порядок. К полкам не пускают: вот каталог – ищи. Что потребуешь – поднесут. После соответствующей процедуры. И вот я карточки перебираю, как скупой рыцарь жемчужины. А в тех карточках названия одно другого сладостнее: Изделие 3-Р-10. Звучит-то как: Тррри-Эррр-Десссять! Или вот: У-5-ТС. Кстати, это то же самое, что и 2-А-20. Такая штука стояла на Объекте 166. Объект 166 – это вовсе не военная база. Это танк. В те времена – весьма секретный. Широким народным массам не положено знать об этих изделиях и объектах, а я могу просто заказать книгу на выбор и вникнуть. Проблема только в том, что глаза горят и разбегаются: 3-М-6, 2-П-27, Т-12А... Выбрать-то что? С чего начинать, чем закусывать?

И вдруг на розовой карточке – название той самой книги. Название, которое разрывает человека в куски.

2

До сих пор не понял: как меня тогда не разорвало? Дивлюсь: как это я остался жив, прочитав такое? Видимо, просто повезло. Но оглушило крепко. Две недели на зарядках и смотрах, на тренировках и поверках, на лекциях и семинарах я жил в режиме полного отклю-

¹ Здесь и далее в тексте книги ссылки на цитируемые источники даются в сокращенном виде; полная информация о цитируемых изданиях приведена на странице 361 в разделе «Список цитируемой литературы». – *Примеч. ред.*

чения. Вернее, это был не я: кто-то за меня жил, служил, чистил оружие, сапоги и сортиры, получал взыскания и поощрения, бегал, прыгал, орал строевые песни. А я, оглушенный и растоптанный, в этом мире отсутствовал.

Через две недели, отдышавшись, отправился снова в секретную библиотеку, за броневую дверь. Эмоции – отключил. Нашел в каталоге ту самую розовую карточку и, стараясь чувств не проявить, книгу заказал. Я ведь ее еще и не видел, я всего только название на карточке прочитал.

И вот она передо мною. Небольшая. Серенькая. В правом верхнем углу – гриф «Секретно» и инвентарный номер – 0341. Автор – генерал-полковник Л. М. Сандалов. Название – «Боевые действия войск 4-й армии Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны», Воениздат, 1961 год.

3

Что, оглушило вас название? Как колуном между глаз, правда?

То-то. Вот и передо мною тогда после прочтения титульного листа свет померк. Это вы сегодня к сенсациям привыкли, к обличениям. Сейчас если название это и оглушает, то не до потери сознания. А в те годы оно воспринималось как убойное. Нас-то учили, что война была Великой и Отечественной. Нам говорили, что война была святой и освободительной. И некоторые этому верили. Я – в их числе. И вот оказалось, что история войны, которую мы изучали, – это лапша на наши оттопыренные уши. История, о которой нам рассказывают, – это баллады для толпы, для широких народных масс, для непосвященных. А тут, за броневой дверью, за стальными решетками, за несокрушимыми стенами, за широкими спинами вооруженных автоматами часовых, под бдительным присмотром оскалившихся караульных собак и сотрудников «Особого отдела», защищенная допусками, пропусками, печатями, учетными тетрадями и инструкциями по секретному делопроизводству, хранится совсем другая история той же войны. И тайные воспоминания генерала Сандалова тут вовсе не в единственном числе. Просто эта книга мне первой попалась. Кроме нее тут целый пласт секретных мемуаров: генерал армии И. И. Федюнинский и главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, генерал-лейтенант С. А. Калинин и маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, генерал армии П. И. Батов и генерал армии А. В. Горбатов (тот самый, о котором товарищ Сталин сказал, что Горбатого могила исправит). И много еще там всякого.

Спрашивается: а что прячем? И зачем?

А ведь прячем серьезно. Если я буду держать язык за зубами, то мне в аттестацию впишут слова о том, что военную и государственную тайну хранить умею. Но стоит только болтнуть, стоит рассказать кому-то содержание секретных мемуаров, попаду под самые серьезные статьи Уголовного кодекса – можно нарваться на 75-ю статью, а то и на 64-ю². И грозит за это весьма печальный приговор.

Да что там содержание! Даже не надо пересказывать содержания тех книг, даже не надо в подробности вдаваться, – стоит всего лишь сказать, что секретные мемуары существуют, и это уже разглашение, и это уже влечет за собой уголовную ответственность по тем же статьям.

² В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года статья 75 «Разглашение государственной тайны» предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от двух до восьми лет; статья 64 «Измена Родине» предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества. Под изменой Родине в этой статье также подразумевалась не только выдача государственной или военной тайны иностранному государству, но и заговор с целью захвата власти, бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы в СССР. Кодекс действовал до 1997 года. – *Примеч. ред.*

Ну а если я ночью полезу ломать решетки секретной библиотеки, то часовой на посту разорвет меня в клочья автоматными очередями. Не задумываясь. И я сам, когда заступаю часовым на этот пост (он назывался постом № 2), разорву теми же очередями любого, кто посмеет нарушить покой наших секретов. И тоже – не задумываясь.

И получу благодарность за убийство и краткосрочный отпуск с бесплатными проездными документами в любой конец страны. И в мою аттестацию впишут слова о проявленной решительности в деле охраны военной тайны. Эти строки станут украшением биографии и помогут восхождению к вершинам карьерной лестницы. Да только что это за тайны такие, за разглашение которых я обязан убивать не задумываясь? Что это за секреты, за раскрытие которых меня обязаны убить?

Прикиньте: живете вы с прекрасной женщиной год, два, десять. И всем она хороша: на зависть соседкам умна, стройна, красива, трудолюбива, чиста в помыслах. Но вдруг вы узнаете, что у вашей любимой, обожаемой женщины темное грязное прошлое. Настолько темное, настолько грязное, что попытка проникнуть в него грозит смертью. Вам попросту отрежут голову, если только рыпнетесь что-то выяснять.

Вот именно в такой ситуации я себя ощутил. Только речь шла не о женщине, а о великой, прекрасной победе в святой и самой справедливой из всех войн. Оказалось, что у великой победы – мерзкое и грязное прошлое.

В противном случае – что же мы прячем? Если та, другая, секретная история войны, чиста и прекрасна, то зачем вокруг нее скулят и воют караульные псы?

4

Мы умеем хранить секреты. Мы объявляем сведения о войне секретными и совершенно секретными, мы запираем эти сведения в сейфы, сейфы опечатываем, потом запираем двери хранилищ и их тоже опечатываем. И выставляем часовых. Два часа – смена, еще два часа – снова смена. Стой, кто идет? Идет разводящий со сменой! Разводящий – ко мне, остальные – на месте! Пост сдал! Пост принял! Караульный, принявший пост, превращается в часового, часовой, сдавший пост, – в караульного: бодрствующая смена, отдыхающая, и снова: пост сдал, пост принял. Начальник караула спит только днем, четыре часа – с десяти до двух. Если нет происшествий. В пять – развод. В шесть – смена караулов. И все – с самого начала: двухсменные посты, трехсменные. Сдал-принял. Бдительно охранять и стойко оборонять... Услышав лай караульной собаки... Часовой обязан применять оружие в случае...

Сохранение в тайне той, другой истории войны, стоит огромных средств и усилий. Вы попробуйте прокормить одну только караульную собаку, песика серого. Это советского человека можно не кормить – он привык, он выкрутится. А собачку – извольте: по два килограмма мяса в день. Это сколько в год получается?

А караулы повсюду, за каждым высоким забором – кабы только народ ничего о войне не узнал. Вот бы ребятам, которые в карауле, урожай собирать. Но мы хлеб в Америке покупаем, а здоровых мужиков от работы отрываем. Десятилетиями. В караулах их держим, чтобы никто не узнал историю войны, которую приказано называть отечественной. Я те секреты в Киеве охранял. И не только в Киеве. А ведь еще кто-то другой ту же секретную книгу генерала Сандалова и книги других секретных мемуаристов охранял в Новосибирске и в Риге, в Таллинне и Североморске, в Уссурийске, Арзамасе и Бухаре, в секретных библиотеках Вюнсдорфа и Лигницы, Хабаровска, Красноярска и Урюпинска. Это в какие же копейки влетает нам хранение в секрете своей собственной истории!

А чекисты бдят. А чекисты высматривают: нет ли где утечки информации о войне, которой приказано гордиться. А чекисты вылавливают тех, кто замышляет открыть тайны самой справедливой в истории войны. И получают за бдительность боевые ордена. Но ведь

и чекистов надо кормить. Мясом. И кормить не хуже, чем караульных собак. Неровён час, притупится чекистская бдительность, и наш народ что-нибудь пронюхает про войну, которая отгрелась три поколения назад.

5

Сам бы я до такой крамолы ни за что не додумался. Но готовили меня не в простом учебном заведении, а в особом. И в самый первый день, на самой первой лекции матерый полковник объяснил сразу все секреты ремесла: не верьте, говорил, тому, что вам назойливо демонстрируют, – ищите то, что от вас прячут. И весь первый час он повторял, что нельзя верить тому, что демонстрируют. А весь второй час – что надо искать то, что от нас скрывают. Завершил так: «Найдете то, что скрывают, – не радуйтесь. Это может оказаться всего лишь вторым каскадом закрытия. Помните: хороший секрет закрывают в два каскада. Или в три».

Вот тут и подвернулся мне тот самый случай. На протяжении всей моей тогда еще короткой жизни мне весьма назойливо демонстрировали светлую и чистую историю великой и священной войны. И вот выясняется, что другую историю той же войны от меня тщательно прятали. Я еще не открыл секретную книгу Сандалова, я еще не держал в руках секретных мемуаров других генералов и маршалов, но уже сообразил, что существуют две параллельные истории. И это две совершенно разные версии одних и тех же событий. Если бы они были одинаковыми, то зачем одну из них прятать?

Какая же из двух правильная? Видимо та, которую охраняем. Если у нас есть золотое колечко, то мы, уходя из дома, его спрячем, а дверь на ключик запрем. Еще и собачку с цепи спустим, чтобы по двору бегала, хвостиком виляла. Но если у нас цепочки и крестики алюминиевые, под золото крашенные, если наши бриллианты стеклянные, то мы об их сохранности не особенно беспокоимся.

Так вот: то, что хранится за броневыми дверями, – это и есть история войны, хотя, может быть, и не вся. Но то, чем нас кормили Некричи, Чаковские, Шолоховы, Озеровы, и всякие прочие Стадниuki, короче – Главпур с Агитпропом, то историей не является. То – суррогат, эрзац, фальшь, подделка.

Тут надо и об официальных шеститомниках и двенадцатитомниках³ сказать: это то, что было приказано выпячивать. Давайте же другими глазами посмотрим и на тысячи томов военных мемуаров, которыми наши генералы и маршалы завалили библиотеки и книжные магазины. Какая тем книгам цена?

Вот тот же генерал-полковник Л. М. Сандалов написал три хорошие книги о начале войны: «Трудные рубежи», «Пережитое», «На московском направлении». Но как прикажете относиться к этим книгам, если вдруг выясняется, что кроме трех есть еще и четвертая, которую простым людям читать не дают? Все четыре книги – о тех событиях, но три доступны всем, а четвертая почему-то секретная?

Более того, сначала генерал-полковник написал одну секретную книгу о войне, потом – три несекретных. Сообразим: чего ради? Ясно, что в секретной книге генерал Сандалов гнет одну линию, в несекретных – другую. Как после этого прикажете его несекретным книгам верить?

Само наличие секретных мемуаров наводит на размышления о том, что не все в истории той великой войны чисто, и о том, что у наших генералов уголовные повадки: толпе одни истории рассказывают, своим – другие. Как урки.

³ Имеются в виду «История Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941–1945» в 6 томах (М.: Воениздат, 1960) и «История второй мировой войны. 1939–1945» в 12 томах (М.: Воениздат, 1973–1982).

Так у воров принято: для всех раскидываем чернуху, а своим рассказываем другую версию, зная, что из своего круга она не выйдет. И не важно, всю правду говорим в своем кругу или не всю, важно, что в своем кругу рассказываем не то, что всем.

6

Мемуары – штука интересная. Но документы войны интереснее. Как же к ним про-
рваться?

Наши вожди много десятилетий держали в секрете не только содержание архивов, но и способы проникновения в них. И только через 46 лет после германского вторжения, когда бушевала и на все лады воспевалась так называемая «гласность», «Военно-исторический журнал» наконец объяснил всем любителям способ проникновения к архивным сокровищам времен войны:

К документам главных штабов и центральных управлений видов Вооруженных Сил, главных и центральных управлений, военных округов, округов ПВО и фронтов – с разрешения Начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ). 1987. № 9. С. 87).

Видите, как все просто: нужно пойти в Генеральный штаб. «Кто тут у вас главный начальник?» Вам непременно дверь укажут. Стучитесь: «Здрасьте, мне бы по архивам помести, по сусекам поскрести...» И Начальник Генерального штаба вам тут же выпишет разрешение.

Правда, за этой простотой кроются две оговорочки и одна недоговорочка.

«Военно-исторический журнал» разъяснил, что, во-первых, исследователь должен рыскать по архивам не по своему хотению, а *«по направлению воинских частей, учреждений и государственных организаций»*. Но какой, объясните мне, прок главе учреждения инициативу проявлять, на свою голову приключения искать, брать ответственность за ваши исторические изыскания в сферах, где изыскания вовсе не поощряются, а весьма решительно пресекаются?

Вторая оговорочка вот такая: *«направляемый ими исследователь должен иметь справку о допуске к работе с секретными документами»*.

Круг замкнут быстро и надежно: особо любопытным допуска к работе с секретными документами не дают. А тот, кому такой допуск дан, им дорожит, не высовывается и за разрешением к начальнику Генштаба никогда не попросится. Но если и попросится, если ему и откроют доступ, то и тогда никто результатов изысканий не узнает: поработал в архиве, любопытство удовлетворил, и помалкивай. Ты допущен к секретным документам, разглашать их содержание не имеешь права. Попытка разглашения попадает под действие статьи 283 УК Российской Федерации («Разглашение государственной тайны») и в некоторых случаях может быть квалифицирована как измена Родине. Со всеми вытекающими.

Оценим: государство сделало историю нашей Родины государственной тайной, а попытка разгласить историю своей Родины приравнена к измене Родине и карается лишением свободы, а в былые времена каралась расстрелом.

7

Это такие оговорочки. А вот недоговорочка: все сколько-нибудь важные решения по вопросам ведения войны принимались Сталиным и его ближайшим военным окружением, то есть Ставкой Верховного Главнокомандующего – СВГК. Все остальные государственные

и военные органы, все командующие и все штабы были всего лишь исполнителями сталинской воли. Но в перечисленном выше списке сказано о многих весьма высоких инстанциях, но не о Ставке ВГК.

Так что если у вас и есть допуск к работе с секретными документами, если вашему большому начальнику и загорелось нечто такое о войне узнать, и он оформил соответствующее направление, если начальник Генерального штаба вам и позволит по архивам рыскать, то главного там все равно вы не найдете. Ибо допускают вас к второстепенным бумажкам, второстепенных штабов.

Заместитель начальника Генерального штаба по научной работе генерал армии М. А. Гареев это подтвердил: *«Документы Ставки ВГК после войны были изъяты из Генштаба»* (Красная звезда. 27 июля 1991 г.).

О том, кто изъясил и куда спрятал, генерал армии Гареев почему-то не рассказал.

Вот и ищите правду о войне, ломая головой непробиваемые стены.

Глава 2

Странная секретность

Какие могут быть сегодня, почти полвека спустя, секреты и сверхсекреты о войне от ее ветеранов, чьи имена, кстати, хранятся в том самом Центральном архиве? Как, впрочем, и от любого советского человека, который хочет прикоснуться к Истории.

Им. Левин, ветеран войны, капитан в отставке.

Открытое письмо министру обороны СССР.

Литературная газета. 14 декабря 1988 г.

1

Михаил Горбачев, первый (он же – последний) Президент СССР, однажды объявил, что в стране когда-нибудь будет объявлена гласность. И тут же из-за кремлевской стены посыпались обещания: в ближайшей исторической перспективе военные архивы будут открыты! Будут сняты запреты на изучение катастрофы 1941 года! Ученые товарищи когда-нибудь обязательно приступят к сочинению официальной версии войны!

О том, как Горбачев правил страной, скупко говорит статистика. С 11 марта 1985 года, когда он принял верховную власть, до 25 декабря 1991 года, когда Горбачев сложил с себя полномочия главы государства, золотой запас страны сократился с 2 500 до 240 тонн. В десять раз. С гаком. В 1985 году официальная цена доллара составляла 64 копейки, в 1991 году – 90 рублей. Внешний долг возрос с 31,3 миллиарда долларов до 70,3 миллиардов. А доллары тогда другую цену имели, не в пример современному.

Во всех остальных областях, в том числе на историческом фронте, успехи были того же порядка. Никто, понятно, никакой официальной истории войны не сочинил, запреты на изучение войны никто не снимал, архивы были открыты только для тех, кто их беспощадно расчищал от «ненужных» завалов пожелтевшей бумаги.

Но вот Горбачева прогнали, и можно было надеяться, что уж теперь-то что-нибудь изменится. Кое-что в стране изменилось. Но только не в области изучения нашей столь неоднозначной истории.

Поясню ситуацию на одном примере. Исследователь Дмитрий Юрасов с 13 лет ведет картотеку репрессированных. Окончив школу, поступил в Историко-архивный институт, по окончании которого был кадровым работником архивов Октябрьской революции, Народного хозяйства, Верховного суда СССР. За многие годы (данные на февраль 1993 года) собрал 430 тысяч карточек и 60 тысяч писем. Интересуется человек историей.

Вот таких-то приказано выявлять. Вот за такими и охотятся недремлющие органы. Повышенный интерес Юрасова к нашей истории был изобличен Верными Русланами. И вылетел любопытствующий Юрасов из архивов, и более туда не пускаем.

А ведь Дмитрий Юрасов всего лишь собирает данные о преступлениях, которые, как заявляют горластые «дети XX съезда», давно разоблачены. Юрасов военных тайн не касался. В военные архивы не рвался. И собирал сведения НЕ СЕКРЕТНЫЕ. Таких собирателей наше родное руководство не жалует и при случае с чувством глубокого удовлетворения вставляет им рельсы в колеса.

А тот, кто интересуется войной, находится в еще худшем положении. Вокруг военных архивов барьеры куда как выше.

Генерал армии М. А. Гареев, сообщив в «Красной звезде», что документы Ставки ВГК находятся неизвестно где, продолжает: *«Как это ни печально, но, трезво оценивая обстановку, видимо, придется считаться с тем, что к какой-то части документов доступ будет открыт еще не скоро»*.

Перевести генеральские слова можно так: дорогие товарищи исследователи, самого интересного в Генштабе давно нет, а к тому, что есть, мы вас, к великой нашей печали, допустим еще не скоро.

Опубликовано это было в «Красной звезде» 27 июля 1991 года. С момента германского вторжения до момента публикации генеральского заявления прошло ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ, ОДИН МЕСЯЦ И ПЯТЬ ДНЕЙ. В сравнении с этим сроком как прикажете, товарищ генерал, понимать термин «еще не скоро»? Это когда?

И вот вам, генерал армии Гареев, все тот же вопрос: ЗАЧЕМ? Объясните – не мне, а народу, который вас кормит: ЗАЧЕМ секреты войны надо хранить? ЧТО ВЫ ОТ НАРОДА ПРЯЧЕТЕ?

Самое пикантное тут вот что: именно этого генерала из породы стерегущих назначили президентом Академии военных наук, именно он и является самым активным исследователем войны, стирателем белых пятен.

Приветствую вас, о великий открыватель тайн истории!

2

Справедливости ради надо признать, что один исследователь из университета Тель-Авива без всяких проблем получил не только разрешение, но и приглашение на работу с любыми архивами России, включая архивы Министерства иностранных дел, Генерального штаба, ГРУ ГШ, СВР⁴ и Коминтерна.

Зовут исследователя Габриэль Городецкий. Наши вожди и стратеги утопить «Ледокол» не смогли, потому призвали мудреца из-за моря: архивы наши велики и обильны, а порядка в исторической науке нет.

В помощники Городецкому выделили советника Президента России по вопросам обороны и безопасности генерал-полковника Волкогонова. Волкогонов – профессор, доктор исторических и доктор философских наук, членкор РАН. В Главном политическом управлении Советской Армии прошел все ступени до начальника управления спецпропаганды (психологической войны) и заместителя начальника ГлавПУРа. С этого поста был брошен на военно-исторический фронт, получив назначение на должность начальника Института военной истории Министерства обороны.

В Советском Союзе к изучению войны допускали только тех, кто ранее руководил спецпропагандой. Вот он-то, спецпропагандист самого высшего ранга, и помогал доставленному из Израиля искателю истины.

Городецкий заказ выполнил. Изданный им эпохальный труд уникален. В числе прочего, Городецкий ссылается на архив ГРУ. Такого не было никогда! Открывайте официальную шеститомную историю войны, изданную по приказу Хрущёва, открывайте еще более официальную двенадцатитомную историю, изданную по приказу Брежнева, – нет в тех томах ссылок на архивы ГРУ.

А дерзкий исследователь из Тель-Авива проник. И караульные собаки его не терзали. И бдительные часовые огня на поражение не вели. Даже и предупредительными в воздух не палили.

⁴ Служба внешней разведки.

Ситуацию никто по достоинству не оценил. Зря. Дело в том, что в архиве ГРУ секретных документов нет. Самый низкий гриф – «Совершенно секретно». Только мне непонятно, какая государственная организация давала означенному исследователю направление, и кто ему давал допуск к работе с секретами? Ведь для получения такого допуска надо принять присягу, доказать преданность правящему режиму и умение хранить государственную и военную тайну. Товарищ Городецкий, вы приняли присягу на верность? Вы соответствующие бумаги подписали?

Министром обороны в те славные времена был генерал армии Грачев, начальником Генерального штаба – генерал армии Колесников. Два этих стратега допустили к государственным секретам России гражданина иностранного государства. Это измена Родине в чистом виде.

Денег на издание книги Городецкого не жалели. Отпечатали тираж в Германии, чтобы качеством читателя привлечь. Пиарили книгу по всем каналам российского телевидения. Но бестселлера не получилось. Не помогла даже измена Родине, совершенная ради такого случая высшими руководителями Вооруженных Сил России. Через полтора десятка лет тираж все еще не продан.

Вот так работает наша родная спецпропаганда.

3

Вот наш путь к правде: ветеранам войны, кровь за Родину проливавшим, вход в военные архивы заказан, а залетному гастролеру из Тель-Авива – красный ковер от аэропорта до совершенно секретных хранилищ ГРУ. И ему в адъютанты и консультанты – советника Президента России по вопросам обороны и безопасности. Если надо – Академию военных наук с Институтом военной истории на помощь призывают.

Так мы свою историю и пишем. И работает Академия военных наук, и гордится составом своим – неисчислимыми стадами докторов и кандидатов.

Вызываю на бой великих открывателей: не сумел товарищ Городецкий «Ледокол» утопить, потому продолжить его дело – ваша, граждане, прямая обязанность. Товарищи генералы и полковники, доценты с кандидатами, нужно или признавать «Ледокол», или опровергнуть. Вам за это деньги платят. Ну, кто выйдет конным или пешим, грудь на грудь и щит на щит? Кто возразит по существу, а не по мелочам?

Но храбрых выйти на поединок под телекамерами ни в Министерстве обороны, ни в Генеральном штабе, ни в Академии Военных наук не сыскалось. Вместо опровержений нашли генеральные академики и академические генералы, отговорочку: мол, все в «Ледоколе» вроде бы правильно, да вот только подтверждающих документов в архивах, к сожалению, найти не удалось.

Здорово у генералов получается: с одной стороны – документов найти не удалось, а с другой – «как ни печально, но к какой-то части документов доступ будет открыт еще не скоро». Бедные генералы-исследователи не могут обнаружить то, что твердо решили нам не показывать. Они украли и спрятали нашу историю, а теперь почему-то не могут найти украденное.

Работает генерал армии Гареев не один, а в дружном коллективе таких же открывателей. Вот еще один упорный исследователь – генерал-полковник Ю. А. Горьков. Он неутомимо мечет булыжники в мой огород. Придумал он вот какой финт: объявил, что архивы-то в руках генеральских, следовательно, только в их творениях – чистая правда. А некоторые, понимаешь, пописывают без опоры на архивы, что с них возьмешь?

Генерал-полковник Горьков прикидывается слабоумным, делая вид, что не понимает простых вещей: а ведь доступ к архивам вовсе не означает стремления говорить правду.

Наши генералы всегда имели доступ к архивам, но из этого вовсе не следует, что они всегда говорили правду. А существование целой подпольной генеральской секретной литературы о войне, «закрытые» исследования, неприступность военных архивов – это как раз и есть ясно выраженное НЕЖЕЛАНИЕ ГОВОРИТЬ ПРАВДУ. Это как раз и есть четко проявленное стремление ВРАТЬ. С опорой на архивы. А генерал Горьков не унимается:

Выяснение истины... учитывая особую сложность проблемы, требует осмотрительности, трезвости суждений, строгой опоры на документы (Красная звезда. 21 октября 1995 г.).

Далее генерала понесло в высокие материи. Генерал-полковник Горьков рассказывает о великом потенциале нашего народа:

Этот потенциал включает и знание истории, в которой общество черпает силы. И изучать историю нужно, образно говоря, не по поддельным копиям, а в подлиннике.

Ай да логика генеральская! Историю надо знать! Из нее народу следует силы черпать! И изучать ее надо по подлинникам, с твердой опорой на документы... которые генералы никому не показывают, которые спрятаны неизвестно где, которые собаками стерегут, к которым пятьдесят лет народ так и не подпустили и в ближайшие пятидесятилетия допускать не намерены.

А не кажется ли вам, товарищи генералы, что делаете вы ту же самую работу, что и серые караульные псы, которые за два килограмма мяса в день не подпускают народ к его собственной истории?

Глава 3

Занимательная арифметика советских историков

Главный принцип нашей работы – правдивость.
ВИЖ. 1988. № 10. С. 71

Мы обязаны держаться правды.
ВИЖ. 1989. № 6. С. 5

За полную правду.
ВИЖ. 1990. № 12. С. 66

Писать и печатать правду.
Красная звезда. 26 ноября 1993 г.

Ничего, кроме правды.
Красная звезда. 9 февраля 1995 г.

Наша задача – говорить правду.
Красная звезда. 24 января 1997 г.

Говорить правду, и только правду.
Красная звезда. 19 марта 1997 г.

Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?
**Член ЦК КПСС, начальник Главного политического управления
Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии
А. А. Епишев. Огонек. 1989. № 25. С. 5**

1

Тогда, в секретной библиотеке Киевского высшего общевойскового командного училища имени Фрунзе, искушение я поборол: секретную книгу генерала Сандалова повертел в руках и вернул в окошко, так и не раскрыв. Решил: мы пойдем другим путем. Я не буду читать секретные мемуары наших генералов и маршалов. Пока. Я понимал, что моя будущая работа, моя профессия заключается в том, чтобы раскрывать военные тайны. Методы, которыми меня готовят, достаточно совершенны, однако в любом обучении никак не увернуться от условностей и упрощений. А тут выпала возможность готовить себя самому. Без условностей и упрощений. Там, за броневой дверью секретной библиотеки, – сотни книг, которые содержат военную тайну – секретную версию войны. В чем заключается секретная версия, чем она отличается от несекретной, я не знаю.

Но это можно ВЫЧИСЛИТЬ. Нужно просто вникнуть в несекретную версию, прикинуть, чего в ней недостает, где она искажена, и на этой основе сделать вывод о том, как может выглядеть секретный вариант истории той же войны. И вот только после этого я доберусь до секретных мемуаров и проверю, насколько точны мои вычисления и предположения.

2

Итак, первый ход – изучение несекретной версии. В те годы основой всех основ была шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945», разработанная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Те тома выглядели внушительно: роскошные переплеты, хорошая бумага, безукоризненная печать, обилие карт и фотографий, сноски, ссылки на источники, приложения – все это вызывало уважение.

Уважение перерастало в трепет после прочтения выходных данных: редакционная комиссия – список на полстраницы, в который входили члены Политбюро и ЦК, маршалы, генералы, адмиралы, академики, ведущие писатели. Отдельно – авторский коллектив и редакция каждого тома. Кроме того – список консультантов, а в нем – маршалы, маршалы, маршалы и министры оборонной промышленности, и опять – академики, академики, академики. И уж помимо всего этого – списки архивов, наших и зарубежных, из которых черпались знания. Одним словом, академическое исследование в лучшем виде.

Правда, никто тех томов никогда не читал. Я выступаю иногда перед своими читателями; выпадает выступать и перед соотечественниками – теперь их немало по заграницам. Многие из них жили в Советском Союзе в те времена, когда сей шеститомник являлся украшением любой квартиры. Прошу слушателей: поднимите руку, кто прочитал все шесть томов. Понимаю, что слушатели ждут подвоха и моих каверзных вопросов, потому помалкивают. Тогда вопрос повторяю в другой форме: кто этот шеститомник не читал? И тут зал отвечает веселым дружным всеобщим голосованием без воздержавшихся.

И когда меня упрекают в том, что стиль у меня не научный, я, скромно потупив глаза, вопрошаю: а кому нужен тот академический стиль, который никто не читает? Считаю, что писать научные монографии – дело нехитрое. Писать книги, главное назначение которых – украшение квартир, может любой, даже и академик, ибо не в содержании ценность, а в переплете. Вот вы попробуйте писать обыкновенным человеческим языком так, чтобы книги покупали не только ради красивых картинок.

Но это к слову. Официальный шеститомник я бы тоже читать не стал, но тогда сложилась ситуация: надо. Пришлось себя заставить. Открыл. И оторваться уже не мог.

3

Это великая книга. Жаль, что нашим народом она не читана. Каждый, кто одолеет хотя бы первый том, прозреет.

Первое, что бросается в глаза, – отсутствие системы в изложении материала. Читал я шеститомник в то самое время, когда меня учили сведения собирать вместе, выбирать главное, отбрасывая малозначимое, раскладывать по полочкам, приводить к системе. А тех, кто писал «Историю Великой Отечественной», этому явно не учили, потому академики попросту набивали тома всем, что попадалось под руку, никак не заботясь о том, чтобы распределить материал по темам или внести логику в его изложение.

Я же, по причине врожденного упрямства, пытался сведения о войне, которые содержались в официальной истории, сортировать. Но из этого ничего не выходило.

Начинаю с самого верха: наиболее крупная организационная единица Красной Армии в предвоенный период – военный округ. Сколько же их было на 21 июня 1941 года? В шеститомнике описаны (бегло) пять приграничных округов. Но были и внутренние военные округа. Сколько? Каких? Кто ими командовал? Какие силы в них находились? Ответов нет. То тут, то там упоминаются то Московский, то Орловский, то Харьковский военные округа.

Но почему все это разбросано, раскидано, разметано по разным томам, частям, главам и разделам? Почему эти данные не собраны вместе на одной странице, в одной таблице?

Организационная единица уровнем ниже военных округов – армия. Второй вопрос: сколько было армий в Советском Союзе на 22 июня 1941 года? Я опять в тупике. Этой информации в официальной истории нет. Каков состав этих армий? Где они находились в момент германского нападения? Я снова и снова упираюсь в несокрушимые стены.

На листе выписываю номера армий, которые упомянуты в тексте. Получается, что армий было двенадцать. Их номера: 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 23 и 26. В этом ряду – странные пробелы. Пропущены 1, 2, 9 и 13 армии. Где они были 22 июня? Или их вовсе и не было? А после номера 14 – дикие пробелы. Почему?

По какой-то причине положение армий на карте не показано, просто надписи: военный округ такой-то, и в скобочках – номера армий, которые были в его составе. Где же они находились?

Одно дело, если войска сосредоточены у самых границ, – тогда они попадут под первый удар и погибнут; другое дело, если они в десятках и сотнях километров от границы, – тогда будет время поднять войска по тревоге и достойно встретить противника.

Если армии далеко от границы, то мы в первый момент войны теряем некоторую часть своей территории, но сохраняем войска от первого внезапного удара. Но если войска сосредоточены у самых границ, то мы теряем и армии, а вместе с ними и территории, которые некому будет защищать, и тем самым ставим страну на грань катастрофы.

Я хочу знать, что случилось 22 июня 1941 года. Но этого понять нельзя, не зная положения наших армий. В шести томах – множество карт. Только одной, самой главной, нет. Та карта, которая позволяет понять начало войны, отсутствует.

И сколько их было, этих армий? Двенадцать? Или не двенадцать?

Если двенадцать, то зачем использовать номер 26? Врагов обманывать? Или себя?

Много позже по песчинкам собрал я сведения по каждой армии, и получилось: 22 июня их было не двенадцать, а тридцать одна. Эти сведения можно получить, просеивая множество других книг, словно тонны песка ради нескольких золотых крупинок. Но из официальной истории войны этих сведений извлечь нельзя. Официальная история написана так, чтобы в отвалах шлама золотых пылинок не содержалось.

Это бьющая в глаза пустота статистических отвалов позволила сделать первый вывод.

4

Любая достаточно большая сумма знаний превращается в науку, если знания систематизированы. А наша официальная версия войны изложена без системы. Другими словами, это не наука – таков был мой первый вывод. От него я не отказываюсь и через четыре десятка лет. Скажу больше: сведения о войне в официальном шеститомнике не только не систематизированы – их там практически нет.

Содержание шести томов можно пересказать тремя словами: войну выиграл Хрущёв. Все шесть томов – отвлеченные рассуждения, призывы и лозунги, восхваления Коммунистической партии и лично товарища Хрущёва, а об армии и войне – почти ничего.

Судите сами. Основной ударной и маневренной силой Красной Армии летом 1941 года были механизированные корпуса. Понять начало войны, а, следовательно, и весь ее последующий ход, невозможно, не зная, сколько у нас было мехкорпусов, где они находились, кто ими командовал, каков был их состав. Об этой основной маневренной и ударной силе Красной Армии сообщается следующее:

Формирование механизированных корпусов проводилось в два этапа. Некоторые из них создавались, начиная с июля 1940 года, а большая часть – в марте – июне 1941 года. Однако руководство Наркомата обороны допустило ошибку, предоставляя технику всем корпусам сразу, в результате чего к началу войны большинство из них не было полностью укомплектовано (История Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941–1945. Т. 1. С. 457).

И это все. И снова вопросы: так сколько же их было, этих самых мехкорпусов? Пять? Десять? Двадцать? Тридцать? Что они собою представляли? Мехкорпус – это сто танков? Или двести? Пятьсот? Может быть, тысяча? А сколько грузовых машин в мехкорпусе? Тысяча? Две? Пять? А солдат? Десять тысяч в каждом? Двадцать? Тридцать?

Что значит «некоторые из них», «большая часть», «большинство»? Если бы я в ходе решения учебной задачи докладывал преподавателю сведения о противнике, используя термины «некоторое количество», «определенный процент», «какая-то часть», то меня немедленно упекли бы в 26-ю камеру киевской гарнизонной гауптвахты, в ту самую, в которой дезинфекции ради – ведра с хлоркой. И правильно сделали бы. Ибо мы люди военные, и точность – наша вежливость. Как у королей.

Отсутствие точности – хамство.

Очень жаль, что наших маршалов и академиков, писавших официальную историю, за проявленное хамство не сажали в камеру с хлоркой. А ведь заслужили.

5

Если официальная история войны – наука, то нужно было хотя бы назвать число этих самых корпусов, дать таблицу: номер корпуса, когда создан, в составе какой армии находился, кто командир, какие дивизии в его составе, сколько в нем танков, сколько артиллерии. Если корпусов было мало, то таблица много места не займет. Если их было много, значит они заслуживают внимания, так не пожалейте же страницы.

И еще: если история войны – это наука, то тут же рядышком должны быть те же сведения о немецких корпусах. Если сказано гадость о том, что наши корпуса не укомплектованы в своем большинстве, то следовало – просто справедливости ради – сообщить и о немецких корпусах: сколько их было и был ли хоть один из них укомплектован.

Переворачиваем страницу официальной истории:

В конце 1940 года численный состав авиадесантных бригад возрос в два раза. С начала 1941 года было развернуто формирование нескольких авиадесантных корпусов, завершленное в основном к 1 июня 1941 г. (там же. Т. 1. С. 458).

Для пущей научности – тут же и сносочка: Архив МО СССР, фонд ВДВ, опись 46027, дело 1, листы 10–15, 98, 203.

Нам сообщили, что в начале 1940 года у нас были десантные бригады, но не сообщили, сколько. Сообщили, что были у нас десантники в неизвестном количестве, и стало их вдвое больше. Нам сообщили, что в 1941 году были созданы десантные корпуса, забыв сказать, сколько, где, какой численности, а главное – зачем? Зачем весной 1941 года создавались десантные корпуса, если наша страна действительно готовилась к обороне?

Сейчас некоторые заявляют, что можно было бы десантные корпуса использовать не только в наступательной, но и в оборонительной войне: взять да и бросить их в тыл наступающим немцам – то-то переполоху будет!

Хорошо, согласимся на минуту: десантные корпуса и бригады можно использовать для выброски в тыл наступающему противнику. Чудесно. Тогда именно так и следовало бы поступить. Отчего же их туда не бросили?

Правда, интересно: великий Жуков формирует сверхмощные десантные соединения якобы для того, чтобы бросить их в тыл наступающим немцам для переполоху. И вот сложилась именно та ситуация: немцы наступают, а великий Жуков почему-то немцам в тыл десантные бригады и корпуса не бросает, переполох не устраивает.

А причина вот в чем: если противник наступает, значит у него превосходство или даже господство в воздухе. Потому обороняющаяся сторона не может даже мечтать о поведении десантной операции. Десантную операцию можно проводить только обладая превосходством или полным господством в воздухе, то есть в обстановке победного наступления. В оборонительной войне десантники в огромных количествах не нужны, и использовать их по прямому назначению невозможно.

Для оборонительной войны нужны не десантники, а заранее, в мирное время подготовленные партизаны. Вот их-то великий Жуков и разогнал весной 1941 года, приказав распустить партизанские формирования и уничтожить ранее подготовленные партизанские базы в белорусских лесах.

6

Но это к слову. Сейчас мы о другом: сочинявшие историю войны члены Политбюро и ЦК, маршалы, генералы, адмиралы, доктора и профессора, действительные члены и недействительные — знали они или не знали, сколько у нас было десантников и сколько авиадесантных корпусов было создано в СССР весной 1941 года?

Если не знали, зачем брались писать историю? Если знали, то почему скрывали эти сведения от своих читателей? Почему официальная история великой и святой войны состоит из шарад, ребусов и кроссвордов? Ведь цифра, означающая количество десантных корпусов, созданных (зачем-то) весной 1941 года, много места не займет. Наоборот, если вместо слова «несколько» написать «пять» или «десять», то получится хоть и маленькая, но экономия места и типографской краски.

Ссылка на архивы в данном и во всех остальных случаях — издевательство: маршалы и академики никаких конкретных сведений о десанниках, десантных частях и соединениях не сообщают, а отсылают читателя к архиву, в который его все равно не пустят.

Не поможет нам и указание на то, что численный состав авиадесантных бригад возрос в два раза. Мы все в школе фразу знаменитую учили: «Дайте мне точку опоры...» Наша же официальная история написана так, чтобы точек опоры не давать. Если бы сообщили, сколько было этих самых бригад и сколько в тех бригадах было десантников, это было бы нам опорой. От нее бы и танцевали: как-нибудь умножили бы на два и получили новую численность.

Но опоры нет. Кругом болото. Может, был у нас в стране один десантник, а стало два. В этом случае даже и десятикратное увеличение несущественно. А если их было тысяч сто, тогда...

Одним словом, если любопытствующий читатель примет первоначальное число советских десантников за X , вспомнит, что их стало в два раза больше, то в результате вычисления получит $2X$.

7

Когда-то давно, во времена хрущевского изобилия, отстояв три часа в очереди, я купил коробку конфет. Открыл и содрогнулся – конфеты давно разложились на несъедобные фракции. Было ясно: штабель тех коробок держали на складах и базах много лет.

Решил узнать, сколько именно. Ищу дату выпуска на коробке. Нет ее. И когда срок хранения истекает, тоже не указано. Вместо этого большой красивый розовый штамп: «Срок хранения – три месяца». Но как исчислять три месяца, от какой печки танцевать?

Сначала я подумал, что это глупость. Потом сообразил: им так удобно. И это не разгильдяйство, это не глупость. Это – наглость.

Вот именно такая наглость и была основным оружием Политбюро, ЦК, Агитпропа, холуйствующих героев, маршалов и академиков, создававших незабвенный шеститомник. Вот следующая страница:

Части и соединения ВВС флота состояли на 45,3 процента из истребительной авиации, на 14 процентов – из бомбардировочной, на 9,7 процента – из торпедоносной, на 25 процентов – из разведывательной; 6 процентов составляла авиация специального назначения (там же. Т. 1. С. 459).

И опять же – ссылочка: ЦГАВМФ, фонд 864, опись 1, дело 172, лист 87. Строго научно. Но что мы из этого узнали? Сколько самолетов было в авиации флота? Была это мощная авиация или хилая?

Если я вам сообщу, что за вчерашний вечер вылакал 97,8 процентов запасов спиртного в своем доме и приложу соответствующую справочку, заверяющую, что дело обстояло именно так, то что вы из этого узнаете? Сколько же я выпил: бутыль, две, пять? Или полбочки? Может быть, весь мой запас – то, что в забытой бутылке на донышке осталось? Что есть проценты от неизвестного?

А вот вам не о морской авиации, а обо всей:

Готовность ВВС к войне была недостаточной, хотя наши новые самолеты имели ряд преимуществ перед немецкими, но этих самолетов было мало, примерно 22 процента от общего числа наличных самолетов в авиации приграничных округов (там же. Т. 1. С. 476).

Процентами от неизвестного можно поразить воображение идиота. Скажем, например, что один человек тратит на питание сто процентов своих доходов, а другой – сотую часть процента. Кто же из них лучше питается?

Кажется, сто процентов больше, чем одна сотая. Но так кажется дураку. А мы спросим: сто процентов от чего? И сотая часть процента – от чего? Калека в подземном переходе сто процентов своих доходов тратит на питание. А олигарх с миллиардами сколько бы ни тратил на роскошные приемы в мраморных дворцах и на океанских яхтах, все равно будет расходовать ничтожную долю своих доходов. Одна сотая процента его доходов, истраченная на бочки икры и реки шампанского, в неисчислимо большее количество раз больше, чем сто процентов голодного на улице.

Для понимания ситуации: один всем известный, но весьма бедный человек владеет тощим пакетом, в котором всего лишь 4,8 процента акций «Газпрома». Неполных 5 процентов – какая нищета! Но если эти проценты перевести в миллиарды долларов, то они воспринимаются нашим сознанием несколько иначе...

Казалось бы, объяснять тут нечего. Но на беду, в академических кругах по обе стороны Атлантики нашлось достаточно мудрецов, которые дружно повторяют: всего лишь 22 % советских самолетов были новейшими! Всего лишь 22 процента! О, эта ужасающая сталинская неготовность!

Эти проценты вошли в сотни диссертаций и монографий. И никто вопроса не задаст: а во сколько раз 22 сталинских процента больше, чем 100 гитлеровских процентов? И не проще ли перейти от процентов и разов к реальному количеству?

Америк не открываю: использование в научном труде процентов, когда их значение заведомо неизвестно, – есть шарлатанство. Вся наша официальная военная история, от хрущевского шеститомника до жуковских мемуаров, от академических томов до школьных программ, зашифрована в проценты, значение которых не раскрывается, то есть вся история войны – шарлатанская. Не в обиду вам будет сказано, товарищи ученые и орденоносные мемуаристы.

Люди военные мыслят не процентами, а количеством истребителей, торпедоносцев, бомбардировщиков, танков, пушек, крейсеров. И так пишут в документах, которые потом ложатся в архив. И это всегда числа целые, а не дробные, потому как не может летать треть самолета, как не могут бороздить моря 43,4 процента крейсера.

Но вот какие-то дяденьки ударным трудом, не досыпая ночей, зашифровывают все цифры в проценты. Результаты их трудов расшифровке не поддаются.

Пример. Благодарный читатель «Военно-исторического журнала» (1989. № 12. С. 95) интересуется: а какой у вас тираж? На дворе перестройка с гласностью буйствуют, в те времена ходили даже слухи (необоснованные), что будто бы сам Горбачев кому-то якобы обещал разрешить иногда говорить правду. Редакция «Военно-исторического журнала», опьяненная гласностью и вседозволенностью, окрыленная ветрами перестройки, отвечает любопытствующему:

Если среднемесячный тираж 1988 г. принять за 100 проц., то в 1989 году он составит 369,3 проц., а на январь 1990 г. – 593,3 проц.

Это только со стороны кажется, что военные тайны раскалывать – романтика беспробудная. А вот вы попробуйте на человеческий язык перевести эту цитату.

Глава 4

История, которую никак не могут написать

Многие важные документы из архивов Министерства обороны СССР, архивов Советской Армии были изъяты после XX съезда КПСС и не возвращены.

Генерал-полковник Д. А. Волкогонов.

Красная звезда. 26 июля 1988 г.

1

Пухлые многотомники о войне – это только вершины терриконов, сложенных из военных мемуаров и бесчисленных исторических изысканий. Коллективы докторов и генералов сочиняли трактаты о действиях авиации и танковых войск, о развитии стратегии и тактики в ходе войны, о промышленности и транспорте, о войсках связи и о саперах, о десантниках и военных железнодорожниках.

И умудрились все сведения о войне сохранить в непроницаемой тайне.

Все эти мемуары, все трактаты – череда неразрешимых загадок. Зададим вопрос о количестве истребителей в авиации приграничных округов. И получим точный ответ – 59 процентов (Советские Военно-воздушные Силы в Великой Отечественной войне. С. 13). Писано это мощным авторским коллективом авиационных генералов-героев под руководством ба-а-альшого начальника.

Для того чтобы шарады с процентами не утомили читателя, наши иллюзионисты применяют и другие методы шифровки. Пример: производство боеприпасов в Германии в 1939 году выражено не в количествах снарядов, мин и патронов, не в тысячах тонн, а в миллионах марок (История Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 375). Но пулемет потребляет патроны, миномет – мины, гаубица – снаряды. Но отнюдь не марки. Так расскажите же мне о патронах и снарядах, а не о марках!

Сколько в марках стоил один патрон, один 37-мм или 75-мм снаряд, одна граната, я не знаю. И где искать сведения о ценах на германские боеприпасы в 1939 году? И что такое миллион марок в то время? Выходит, цифру мне сообщили, но эта цифра – пустышка, фантик, конфеткой сложенный, чтобы дурачков обманывать.

Но и это – не конец головоломки. Чтобы окончательно затуманить картину, в скобках почему-то указано: «по ценам 1941/42». В 1939 году были одни цены, я не знаю, какие. В 1941 году – другие, тоже неизвестные. И вот академики продукцию 1939 года зачем-то вычисляют по ценам 1941 года.

Сразу признаюсь: этот орешек не по моим зубам. Это нашим вождям такие уравнения решать. Это они знают, как расплатиться в случае, если работа выполнена в прошлом году, а зарплату (пока не всю) платим в этом году по ценам позапрошлого года.

Похоже, историю войны писали такие же шустрые ребята, как и те, которые сейчас страной правят.

2

Но даже за германские боеприпасы мы должны авторов шеститомной истории благодарить, ибо о советских боеприпасах они вообще ничего не сообщают. О существовании

Красной Армии авторы официальной истории словно забыли. Они пишут, например, что Германия бросила против Советского Союза 3 410 танков. Но почему-то постеснялись сказать, что ВСЕ немецкие танки были устаревшими.

Сколько же танков имел миролюбивый Советский Союз? Молчание было нам ответом. Сколько у нас было самолетов? Опять секрет. Не раскрываемый.

И вот я вынужден повторить: если официальная история не содержит данных о количестве танков, самолетов и боеприпасов в Красной Армии, если в ней нет данных о количестве военных округов, армий и корпусов, значит эта версия войны вообще версией не является.

Шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза» – не история. Это чисто декоративное издание, практической ценности не имеющее. У мошенников есть старый, но до сих пор работающий прием: пачку аккуратно (очень аккуратно) нарезанной бумаги всучить лоху вместо пачки денег. Именно этот прием и был применен нашими мошенниками в маршальских мундирах. Шесть томов официальной истории – это аккуратно нарезанная бумага, которая не содержит ничего. Это видимость истории. Только иллюзия. Трюк. Шулерский финт.

Кстати, сами правители это понимали лучше нас. Потому немедленно после выхода хрущевского шеститомника историю войны приказали переписать. Шесть томов – мало. Давай двенадцать.

Специально для написания новой несекретной версии войны был создан Институт военной истории. А ему в помощь подключили Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт всеобщей истории АН СССР, Институт истории СССР АН СССР. В редакционную коллегию ввели новый, расширенный табун членов Политбюро и ЦК, маршалов, генералов, руководителей недремлющих органов и так далее.

Новому двенадцатитомному творению дали название: «История второй мировой войны. 1939–1945». Загадки начинаются прямо в названии. По неизвестной, никогда никем не объясненной причине наши академики название Второй мировой войны почему-то писали со строчной буквы.

А ведь эта война – центральное событие XX века. А ведь это мясорубка, каких ранее не бывало. Так хотя бы из уважения к невинно загубленным миллионам... Наконец, это имя собственное.

Должен с гордостью отметить свой вклад в науку. Откройте любую книгу о войне, изданную при Советском Союзе и в первые годы после его крушения: словосочетание «Вторая мировая война» ученые мужи упорно писали со строчной буквы. Против этого я публично возразил еще 9 мая 1985 года. И возражал при любой возможности, вот хотя бы и в этой книге.

И своего добился. Сейчас название войны все пишут с заглавной буквы. Как-то даже и странно, что раньше могло быть иначе.

И это рождает надежду.

Сегодня с некоторыми моими суждениями, мягко говоря, не все согласны. Но я верю, что когда-то они будут понятны большинству. И люди будут спрашивать: да чего же тут не ясно? Да разве кто-то раньше мог мыслить иначе?

3

Двенадцатитомник, созданный по приказу Брежнева, получился смешнее хрущевского шеститомника. И на этот раз суть всех двенадцати томов можно было выразить тремя словами. Только это несколько другие слова: войну выиграл Брежнев.

Но стоило ли ради этого количество томов увеличивать вдвое?

О том, что это была за версия войны, вам судить: во всех двенадцати томах ничего не говорится о расстрелах советских командиров накануне войны. Мы можем к этим расстрелам относиться по-разному, но непозволительно исторические события замалчивать. А в двенадцатитомнике слово «расстрел» для этой ситуации вовсе не применяется.

При Хрущёве для смягчения смысла придворные академики термин освоили: «репрессии». Но в брежневском двенадцатитомнике и этого слова нет. Вместо него – «обвинения». Вот, мол, против некоторых командиров были выдвинуты необоснованные обвинения. Вроде бы обвинения выдвинули и успокоились. Вроде бы обвинениями дело и кончилось.

Как и раньше, во всех двенадцати томах не было данных о том, сколько же танков имела Красная Армия в 1941 году, сколько самолетов, сколько боеприпасов. Вы не найдете количества советских армий и корпусов. Группировку войск, то есть расположение наших армий, корпусов и дивизий, авторы обделили вниманием; местонахождение советских войск в момент начала войны так и осталось государственной тайной.

О наших потерях – ни единого слова. Видимо, без потерь воевали. Единственная удача авторов – роль политкомиссара Брежнева Леонида Ильича в мировой истории показана ярко и выпукло, за что и получили авторы двенадцатитомника премии, ордена, титулы, звания и всякие прочие материальные блага. О тех временах они вспоминают с тихой грустью:

Надо прямо сказать, историки, тем более военные, лауреатскими лаврами давно не отягощены. Последний раз их коллективный труд был удостоен Государственной премии пятнадцать лет назад. Такую оценку получили авторы 12-томной истории второй мировой войны
(*Красная звезда. 26 декабря 1996 г.*).

Мои протесты тогда еще не были услышаны, товарищи из «Красной звезды» название войны писали со строчной буквы. А историков официальных жаль – их так редко награждают. Но виноваты вы, товарищи, сами: нюх потеряли. Написали бы 24 тома о том, что войну выиграл тот, кто на данном историческом этапе финансовые потоки страны в нужные русла направляет, мигом бы вас премиями завалили.

4

Брежневский двенадцатитомник – наш национальный позор. Вот оценка ему. Писатель-фронтовик В. П. Астафьев:

Мы как-то умудрились не без помощи исторической науки сочинить «другую войну». Во всяком случае, к тому, что написано о войне, за исключением нескольких книг, я как солдат никакого отношения не имею. Я был на совершенно другой войне. А ведь создавались эшелоны литературы о войне. Например, 12 томов «Истории второй мировой войны». Более фальсифицированного, состряпанного, сочиненного издания наша история, в том числе история литературы, не знала. Это делали, том за томом, очень ловкие, высокооплачиваемые, знающие, что они делают, люди. Недавно схватились два историка, Морозов и Самсонов, в споре о частностях в этой истории. Я написал письмо редактору газеты о том, что историки в большинстве своем, в частности те, которые сочиняли историю Великой Отечественной войны, не имеют права прикасаться к такому святому слову, как правда. Они потеряли это право своими деяниями, своим криводушием
(*Вопросы истории. 1988. № 6. С. 33*).

А создатели двенадцатитомника своим творением гордятся. Им даже не хватает ума и совести прикидываться изнасилованными – мол, все мы жертвы системы. Вовсе нет – они скорбят по тем счастливым временам, когда удовлетворенный клиент в ранге Генерального секретаря сверх обещанного бросил им лишний червонец в виде Государственной премии.

5

Но весьма скоро вожди сообразили, что зря лауреатам икру скамливали. Над брежневской версией войны мир смеялся больше, чем над предыдущей хрущевской. Премии историкам дали, а истории войны как не было, так и нет. И снова надо начинать все с самого начала.

Пробовали третий раз в разгар перестройки и гласности: во главе ученых табунов – ГРК, Главная редакционная комиссия, которой подчинены другие комиссии в великом множестве. Председатель ГРК – министр обороны СССР. У него – свита заместителей: начальник Генерального штаба, главнокомандующий силами Варшавского договора, главнокомандующие видами вооруженных сил, начальник главного политического управления, вице-президент АН СССР, директор института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и так далее. Кроме них в составе ГРК – начальники учреждений и ведомств: АПН, Воениздат, Госкомитет по статистике, Главное архивное управление, Всесоюзный совет ветеранов войны и труда. И много там еще было всяких ответственных товарищей из высоких кабинетов. И за каждым – мощные организации с ордами подчиненных. Кроме тех институтов, которые раньше у многотомников кормились, к проекту пристегнули еще несколько новых, в их числе – Институт теории и практики социализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.